

Olena Bilianska

**NARCISSUS ARCHETYPE IN «PHILOSOPHICAL SMILE» OF
GRYGORIY SKOVORODA**

It is analyzed in the article the philosophical problem of person's comprehension and understanding based on G. Skovoroda's view. The idea of holistic world and holistic person is achieving by Skovoroda through material and ideal dualism. One of the highest positions in philosopher's doctrine is held by the cultural values' issue. A human being was perceived by thinker like cultural subject, like holder of good and evil. In his work, Skovoroda indicated a problem of moral values' formation, saw the core of person's ethical principles in his own "will" and "heart". Heart is realized by thinker as a center of human being's spirituality, as a basement of vital activity and an existence concept. Analyzing a problem of human being, G. Skovoroda distinguishes two sides of his existence. From one side, he considers a human in the context of being structure, proclaims him as one of the universes, as a microcosm. However, taking a person as a microcosm, philosopher reaches to necessity to consider relations between microcosm and macroworld. Skovoroda concludes this as a mystical contact. Therefore, this connection is taken like a revelation of God to person or like a human's aspiration to God in journey to self-discovery.

Key words: person, culture, world, material, ideal.

References

1. Kovalins'kij M. ². (1995) Zhittja G. Skovorodi [Life of G. Skovoroda]. P³znaj v sob³ ljudinu. L'v³v, Sv³t, pp. 10–45.
2. Skovoroda G. (1983) V³rsh³, p³sn³, bajki, d³alogi, traktati, pritch³, prozov³ perekladí, listi [Poetry, songs, fables, dialogues, treatises, parables, prose translations, letters]. K., *Naukova dumka*, 539 p.
3. Skovoroda G. (1995) P³znaj v sob³ Ljudinu [Cognize Person inside]. L'v³v, Sv³t, 528 p.
4. Skovoroda G. (2002) Rozmovi pro ³stinne shhastja [Life's True Happiness]. *Hark³v, Prapor*, 280 p.
5. Skovoroda G. (1994) Tвори [Compositions]. K., *AT «Oberegi»*, 450 p.
6. Shpet G. G. (1989) Ocherk razvitija ruskoj filosofii. [Essay about Russian philosophy evolution]. *Moscow, Pravda*, pp. 210–290.
7. Jern V. F. (2000) Bor'ba za Logos [Struggle for Logos]. *Minsk, Harvest; Moscow, ACT*, 591 p.

УДК 821.161.1

Владимир Звизняцковский

**«СМЕШНОЕ ОБНАРУЖИТСЯ САМО СОБОЮ...»
(ГОГОЛЬ И НОСИТЕЛИ РАЗНОЛИКИХ
«СМЕХОВ» В «РЕВИЗОРЕ»)**

В статье рассматривается феномен имперско-российского государственного мышления украинца Гоголя и попытка сатирического изображения молодым российским государственным типично украинской коррупции «любих друзів». Громоподобный «гомерический» смех царя на премьере «Ревизора» как будто свидетельствовал о перспективе незамедлительной гибели негативных явлений в среде провинциального чиновничества (чуть ли не от самого этого смеха). Результатом гениальной ошибки молодого государственника явилось создание им вещиюмористической (на века), а не сатирической (пока не умрёт высмеиваемое явление).

Ключевые слова: гелология, смех, остроумие, юмор, сатира, ирония, сарказм, коррупция «любих друзів», государственное мышление, Гоголь, «Ревизор».

Когда вводишь в Гугл «гелология» – тупо исправляет на «геология», «gelology» – на «geology». Какая уж тут «постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами» – как того требует от нас грешных украинский ВАК...

Наука гелология как бы есть – но ее как бы нет. 8–10 июля 2015 г. в Санкт-Петербурге прошёл уже Третий Международный гелологический конгресс, собравший гуманитариев, которые с разных сторон подходят к созданию гелологии как науки о смехе. Но возможно ли создать науку о смехе в рамках культуры постмодернизма, где **всё** – смех? Ведь не станем же мы на 16-м году 21-го столетия в апрельской Одессе говорить о культуре всерьёз? О какой-то, например, национальной культуре и ее «скрепах»? Наверное, сегодня это лучше получилось бы именно в Санкт-Петербурге – но у каких-то других людей, а не у тех, что были летом на гелологическом конгрессе. И к этим другим людям мы ни в коем случае из Одессы или Киева не приедем.

Однако разве серьезные государственные люди, озабоченные «скрепами», науке гелологии совсем уж неинтересны? Разве смех состоит не в той же пропорции к серьезу, что свет к тьме и добро ко злу? Не успел ты всерьёз отсечь борцов за серьезные идеи от культуры смеха –

как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она: в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь

тени... Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом... как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

В этом смысле творчество М. А. Булгакова, чье 125-летие мы вот-вот отметим, представляется последним достижением и публикацией, в которых начато решение данной проблемы и на которые поэтому опирается автор данной статьи, цель которой – очертить контуры смеха тенью серьеза; предпоследним же представляется творчество Гоголя, к которому далее мы и обратимся.

Чем в этом смысле интересен Гоголь – так это именно тем, что он был человеком «скреп» и «птицы-тройки». Человеком в высшей степени государственным. Причём всегда, а не так, как это подается в хрестоматиях: сперва, дескать, смех, а потом государственные идеи и «скрепы».

1

В один прекрасный солнечный день (такие дни хоть редко, но случаются в Санкт-Петербурге), не то в 1833-м, а не то и в 1834-м году, брел по северной столице один высокородный, но бедно одетый юноша – наследник одной из знатнейших южных династий. Он брел и мечтал не более и не менее, как об апреле 2000 года – времени, по его словам, величайшего торжества, когда, наконец, отыщется король:

Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник.

Во всем виноваты старинные рукописи! Вот «Летопись Самовидца» – свод событий неполных двух веков истории многострадальной отчизны. Тщательно вчитываясь и перечитывая эту летопись, юноша убеждается в правдивости рассказов отца и деда. Да, это его предок владычествовал над обширным краем, вершил судьбы народов. В то время как сам он – всего лишь титулярный советник!..

Стоит ли удивляться, что «Тарас Бульба» и «Записки сумасшедшего» написаны одновременно?.. Удивиться можно разве тому, что сумасшедший Поприщин в своем бреде с точностью до десятилетия называет дату обретения Украиной («Испанией») *независимости*, т. е. времени, когда она сможет, наконец, назвать и прославить всех своих гетманов, *независимо* от того, на чьей стороне они воевали. В том числе и гетмана Евстафия Гоголя... Короче, есть от чего сойти с ума – точнее, есть от чего *бояться* сойти с ума. Ведь сумасшествие и есть контур между светом и тенью, смехом и серьезом. А сумасшедшими мы называем застрявших на этом контуре.

Его, конечно, готовили к великому поприщу – и семья, и гимназия; потому и фамилия сумасшедшего из «Записок» – Поприщин. Но это свое поприще на благо великого имперского отечества юноша, естественно, должен был проходить в имперской же столице, являя свою необходимость и даже незаменимость в бюрократической системе, чтобы в один прекрасный день к юноше приступили важные чиновники и с почтением попросили: «Николай Васильевич, ступайте департаментом управлять!»

Но он отнюдь не был предназначен к бюрократической пахоте самой природой; он, в отличие от плода своего воображения Акакия Акакиевича, не «родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире». И потому его естественной функцией в государстве могла быть лишь функция ревизора – а склонных к этому людей, подобных Гоголю, на самом деле очень много: посмотрите, сколько сейчас на Украине борцов с коррупцией.

И как же с ней бороться? Как сделать из этой борьбы «национальную скрепу»?

В «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», Гоголь настаивал:

Смешное обнаружится само собою именно в той серьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачей своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но они сами совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеется.

Зато они-то сами **до поры до времени** иронически посмеиваются над законом, над моралью простого обывателя, над его жизнью и друг над другом. Будь Хлестаков настоящим ревизором-взяточником, он вместе с Городничим посмеялся бы над нами, честными людьми. **Это была бы какая-то комедия наоборот**: все ее персонажи дружно и от души посмеялись бы над зрителями в зале! Если бы в те времена уже было телевиденье, то такая «комедия наоборот» напоминала бы ток-шоу, где без стыда и совести перемигиваются политики – якобы противники, а на самом деле сообщники по обману своего и чужого электората, стрижки бабла ради.

А вот в «Ревизоре» «дружно» не получается. А почему? А вот именно потому, что Гоголь – государственный, он над институтом государства отнюдь не смеется и даже не собирается смеяться...

«Дав взаимы» Хлестакову, Городничий сразу успокаивается. К нему возвращается привычное спокойно-ироничное, «постмодернистское» отношение к жизни. И чем далее он ублажает своего «высокого» гостя, тем более благодушным становится и его ироничное к нему отношение. Пусть теперь подчиненные ему глупцы ужасаются и благоговейно перед

этим молодым, но столь уже преуспевающим чиновником. Но уж Городничий-то сумеет его окружить, взять в оборот. Чиновник хоть и преуспевающий, но молодой, по-своему наивный, видно, что на горящих глазках да на борьбе с коррупцией скоропостижно взлетел – вот мы его, голубчика, на горящих глазках да на эротичности влечений и возьмем, вот теперь и будет зятем Сквозника-Дмухановского. Молодой «генерал» никого не боится – так вот и его тесть попадет в тот блаженный мир, где можно никого и ничего не бояться.

А ведь и то сказать: не молодые ж это генералы минувших лет, предшествующего, декабристского поколения, которым, по благодарному отзыву потомка-поэта, и все вершины были малы, и мягок самый черствый хлеб. Для которых управление государством не было *пустяком их заботы*. Которые ради идей усовершенствования оного управления шли на каторгу...

Ну да Бог с ними – вернемся к Хлестакову. Он, «постмодернист» питерский, едва оправившись от страха, но видя свою безнаказанность, стал как бы тоже посмеиваться над всеми окружающими. И Городничий это прекрасно видит! Но он-то думает, что они – два сапога пара, что они с ревизором-взяточником нагло **ухмыляются друг другу**. А он-то, Хлестаков, просто **смеется над ним**, Городничим, и над всем его городом, и над всем его уездом, и над всей своей страной, и над всем тем миром, который Городничий так прочно, удобно и приятно себе вообразил: будто бы есть или может быть такой мир!

Но, может быть, он **есть**? Или он – **может** быть?

Михаил Щепкин, земляк автора, провинциал-хохол, в московском Малом театре додумал то, чего не додумал Иван Сосницкий в петербургской Александринке. Ведь щепкинский Городничий, говорят, был не просто провинциален, а **по-хохлацки** провинциален. Вот как исполнение обоими этой роли характеризует (по отзывам, собранным из разных источников) Ю. В. Манн: «В исполнении Сосницкого Городничий являлся без явных признаков провинциальной грубости, своим благоразумием и степенностью напоминая даже столичного чиновника. У Щепкина – это беззастенчивый хапуга во всей грубости и необразованности» [2, с. 165].

Кстати сказать, в ранней комедии Г. Квитки «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» всё это тоже есть. Но всё это как-то обыденно: просто картинка местных нравов, и тоже очень язвительная и смешная.

У Квитки полицмейстер спрашивает городничего:

– *Фома Фомич! Как ревизор в улицы въедет, не прикажете ли кричать ура?* [1, с. 51]

Псевдоревизор Пустолобов говорит то же самое, что и Хлестаков: – *Со мною без чинов* [1, с. 55].

Однако всё «портит» Ученосветов, некстати оказавшийся в том же уездном городе однокашник Пустолобова, своими тихими и (прибегнем к анахронизму) интеллигентскими сомнениями. Он, видите ли, сомневается, что *повеса Пустолобов*, выгнанный из университета за дурное поведение, теперь *великий, важный и даже умный* человек.

В мире Гоголя нет места интеллигентским сомнениям. У него вообще дело не упирается в оценку характеров. Как точно указывает Ю. В. Манн, автор «Ревизора» *по художественной ткани комедии характеров осторожно, не разрушая ее структуру, пропустил одну-две еле заметные гротескные нити*. Эти нити, по мнению гоголеведа, напрямую связывают Гоголя с *древними истоками народного театра*, прежде всего с *украинским вертепом* [2, с. 199]. Так что в смысле эстетики и поэтики «Ревизор» гораздо более *украинская* комедия, чем «Приезжий из столицы».

Но, может быть, всё дело просто в том, что действие «Ревизора» происходит на Украине, и это окрашивает его в «местные» тона?..

Именно в этом смысле высказался Ф. Булгарин в оперативном газетном отзыве на премьеру комедии (одном из тех двух отзывов, что появились в печати до отъезда Гоголя за границу и смертельно оскорбили автора «Ревизора»):

Городок автора «Ревизора» не русский городок, а малороссийский или белорусский, так незачем было клепать на Россию. («Северная пчела», 1836. № 98)

Но ведь и по воспоминаниям жителей Миргорода в действующих лицах «Ревизора» точно так же, как в действующих лицах «Повести о том, как поссорился...», они узнавали своих земляков – чиновников уездного масштаба и жителей этого уездного городка. Так вот и Булгарин в той же рецензии утверждал, что Городничий не мог бы взять такую волю в великороссийском городке. Рецензент уклонился от подробных разъяснений этой мысли, но читателю-современнику она, видимо, и без того была ясна. Да и с нравами миргородских обывателей и чиновников этот читатель только что познакомился по «Повести о том, как поссорился...» – взять хоть кражу бурой свиньей жалобы из суда:

Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день весь Мирго-род узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Сам городничий первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали об этом, он ничего не сказал, спросил только: «Не бурая ли?»

В таком городке, где все – добрые соседи, зятья, сватья, кумовья, знающие всё друг о друге, вплоть до цвета и характера свиней, городничий именно потому мог *взять волю*, что и сам «давал волю», предпочитая всё решать не столь «законно», сколь «полюбовно». И даже мысль взять в зятья «важного чиновника из Петербурга» и тем уладить все проблемы не показалась странной **такому** городничему. Если карьерный рост (вне пределов революций) предполагает некую последовательность прохожденья ступеней – то породниться или (что, по-христиански, то же самое) покумиться можно и даже полезно (в пределах служебной лестницы) и через несколько ступеней – и вот уже «любі друзі» и сверху и снизу дербанят как бы специально для них сотворенное государство. *Беззастенчивый хапуга во всей грубости и необразованности* – или же застенчивый хапуга, получивший образование, т. е. способный с иностранными дипломатами объясниться на иностранном языке, – какая, собственно, разница страдающим гражданам страны, ограбленным их кровью и потом сотворенным государством?

Вот и выходит, что в исторической перспективе прав-то оказался Булгарин. Гоголь же, как убежденный имперский государственный, искренне полагал, что подобная критика унижает его как автора «скрепового» произведения, одобренного на премьере животворящим карнавальным смехом самого государя-императора.

2

К концу четвертого действия комедии автор как будто собирает воедино всю картину правления Городничего, созданную многочисленными сатирическими приемами изображения. Наконец мы видим Сквозника-Дмухановского, врывающегося на сцену с воплем *Не погубите!* Это он узнал, что, несмотря на все предпринятые меры, жалобщики всё же прорвались к «ревизору». Саморазоблачительная речь Городничего венчается тут же на месте им созданным и вошедшим в поговорку образом унтер-офицерской вдовы, которая *сама себя высекла*. Как тут не смеяться? Но Хлестакову как раз в это время не до смеха:

– *Провались унтер-офицерша – мне не до нее!*

Ему нужно как-то выпутываться из ситуации с «предложением» Марье Антоновне. К счастью для него, Городничий, вконец обалдев от испуга, а потом от радости, быстро «принимает предложение», и Хлестаков весело отбывает, не забыв получить последнюю взятку.

Издевательский смех Хлестакова к финалу всё более нарастает и прорывается письмом к Тряпичкину. В смехе Хлестакова, в отличие от

иронии Городничего, нет и тени «притворства», т. е. собственно иронии, но есть нечто совершенно противоположное...

Мы помним, что ирония соответствует юмору. Напрашивается вопрос: а что же соответствует сатире?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем на миг принять мировоззрение Городничего – мировоззрение «можновладца». Решим всегда смеяться над всем. Ничего не принимать всерьез. Верить лишь формально, «про людське око», в то, что на свете, кроме наших повседневных желаний, есть еще что-то великое, героическое. Можно, если нужно, вслух признать, что страна и человечество имеют своих героев. Вот, к примеру, Александр Македонский – чем не герой?.. Но странно по этому поводу волноваться, *стулья ломать*, как если бы мы и впрямь верили, что в жизни вообще и у нас в стране в частности иногда встречаются герои, разные там тарасы бульбы, а не просто мужчины и даже женщины, которые грубую героическую мужскую работу делают за бабло.

Человеку, который не в виде эксперимента, как мы сейчас, а на самом деле принял себе такое мировоззрение, такое отношение к жизни, трудно поверить во что бы то ни было – например, в Бога. Но представим, что есть Бог и есть его противник – дьявол. Тогда последнему и желать более нечего, кроме того, чтобы никто ничего не принимал всерьез, а все только играли, да подыгрывали, да иронично друг другу подмигивали. А он тогда тоже будет ходить да посмеиваться.

Как именно посмеиваться: вот так же благодушно, легко, иронично?.. Ну уж нет! Ведь это совсем два разных типа смеха. С одной стороны, всеобщая благодушная *ирония*, притворное приветствие всем от всех, приятие всех всеми при реальном издевательском подтрунивании всех над всеми. А с другой стороны – злой смех без всякого притворства.

Еще древние знали, что насмешливое отношение к жизни – это *eironeia*, притворство. А неприкрытая, резкая, язвительная или терзающая насмешка – это и есть терзание, разъедание, по-гречески *sarcasmos* – **сарказм**. Таким смехом смеются греческие боги над прикованным к скале Прометеем. С таким смехом в начале Библии змей подползает к Адаму и Еве со словами: – *Истинно ли говорит Господь?*

Им-то в его словах чудится ирония над Господом (ведь змей называет своим господином Того, в истинность слов которого сам не верит) – а это язвительная и терзающая насмешка, направленная на самих людей...

В тот год, когда Гоголь взялся за «Ревизора», в его книге «Арабески» увидела свет повесть «**Портрет**». Герой этой повести, художник-монах в преддверии ожидаемого апокалипсиса заявляет:

– В мире нашем всё устроено Всемогущим так, что совершается всё в естественном порядке.

Поэтому дьявол не может найти щель и прорваться в мир. Но, продолжает герой повести,

с каждым днем законы природы будут становиться слабее и оттого границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее.

Вспомним теперь, как уездные чиновники, принявшие Хлестакова за ревизора, пытаются объяснить свое затмение:

– Точно туман какой-то ошелолил, чёрт попутал.

Но ведь чёрт их попутал прежде всего потому, что они сами старательно запутали свою жизнь, по мере сил нарушая все законы Божеские и человеческие. Гоголь четко, пророчески ясно указал всю меру ответственности человека за нарушение морального Закона, от которого происходят и пагубные для всех нарушения законов государства, и даже нарушения законов природы.

Стало быть, сам человек и никто иной должен понести ответ за *конец* своего человеческого *света*. Но тогда выходит, что правильно делал **художник-монах** в «Портрете», по сути продолжая дело **художника-козака** в «Ночи перед Рождеством». Оба, лично познакомившись с чёртом, выводили его на чистую воду, на всеобщее обозрение – *такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо*. Зло следует отображать неприукрашенным, неоправдываемым никакими временными обстоятельствами: лишь тогда оно вызывает единственное вполне правильное отношение:

– Он бач, яка кака намальована!

У безответственного (несмышленного) дитяти – страх. У ответственного (смшленного) взрослого – смех над какой-то *какой*. В ответ на извечный **низкий** смех, смех **хлестаковский**, смех **дьявольский** – *тот высокий смех во всё горло, которым и донныне еще смеются в украинских степях*, о каком писал Осип Сенковский в своей «Библиотеке для чтения» (1843, т. 56) в рецензии на первое полное издание «Энеиды» в то время уже покойного Ивана Котляревского. И пока мы *в украинских степях* еще способны смеяться таким смехом – мы не только физически выживем, но и морально устоим.

В единственном не только вполне законченном, но и вполне совершенном произведении Гоголя – «Ревизоре» (хотя дай Бог всякому создать такие же «несовершенства», как «Вечера», «Миргород» и «Арабески», и такие «незаконченности», как «Мертвые души»!) в до конца воплощенной авторской интенции **Художник** выходит на первый план. В нем одном и едином, в его теперь уже явной для погибающего мира

серьезной, героической миссии, гармонично уживаются два его национальных архетипа – Козак и Монах.

Вот и оказывается, что *невыразимая духовность* гоголевского смеха есть просто его функциональность. А сам автор «Ревизора» в этом смысле продолжает многовековую традицию украинских комиков, в том числе – своего отца и прадеда, используя смех в его конкретной, исконной и **серьезной** функции в украинской культуре – функции *духовного оружия*. Без этой предварительной реставрации собственного «смехового мифа» автора «Ревизора», этой *комедии смешнее чёрта* (как называл ее, еще несуществующую, сам Гоголь в одном из писем к Пушкину), постичь эту *невыразимую духовность* мне представлялось – и, по завершении этой работы, по-прежнему представляется – попросту невозможным.

Список использованной литературы

1. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Збір. творів: У 7 т.– К.: Наук. думка, 1978.– Т. 1.
2. Манн Ю. В. Постигая Гоголя.– М.: Аспект Пресс, 2005.

Володимир Звиняцьковський

«СМШНЕ САМЕ СЕБЕ ВИЯВИТЬ...» (ГОГОЛЬ ТА НОСІЇ РІЗНОМАНІТНИХ «СМІХІВ» У «РЕВІЗОРИ»)

У статті розглядається феномен імперсько-російського державного мислення українця Гоголя в аспекті наслідків щодо спроби сатиричного зображення типово української корупції любих друзів. Громоподібний «гомеричний» сміх царя на прем'єрі «Ревізора» ніби засвідчував перспективу негайної загибелі негативних явищ у середовищі провінційного чиновництва (мало не від самого цього сміху). Результатом геніальної помилки молодого державника Гоголя стало створення ним речі гумористичної (на віки), а не сатиричної (допоки не ввре явище, що висміюється).

Ключові слова: *гелологія, сміх, дотеп, гумор, сатира, іронія, сарказм, корупція любих друзів, державне мислення, Гоголь, «Ревізор».*

Vladimir Zviniatskovsky

“A FUNNY THING WILL SHOW ITSELF BY ITSELF”: THE DIVERSITY OF LAUGHTERS IN GOGOL'S “THE INSPECTOR”

The Google Search Service doesn't know the «gelology» – it automatically corrects it to «geology». So an evident purpose of proposed article is to

confirm the diversity and the typology of laughings as some also evident subject of a special laugh theory – the gelology.

The National Laughings, this main source of untranslatability as a property of a text, or of any utterance, in one language, for which no equivalent text or utterance can be found in another language, is the most evident subject of gelology. “A ghastly idea” (Nabokov) of Gogol’s *The Inspector* as “the old rascal’s nightmare” is not far from reality of Gogol’s interpretations in the modern European theatre – and too far from reality of the Ukrainian “anti-corruption” laughing (so actual nowadays). The “lyubi-druzi-corruption” (the Ukrainian untranslatable “corruption of the best friends”) continues to manifest itself in an unending stream of falsifications, a “logic” of which is clearly shown in Gogol’s “funny things”. As Gogol said, such a “funny thing” would not demand some special “comic” efforts: it would “show itself by itself”. Paradoxically, the real wit of *The Inspector* emerges in a “funny thing” that seemed absolutely serious to its author – his Russian Imperial state-mentality. Gogol’s profound awareness of “the Highest Statesmen” that, for him, were the rallied collective of adherents, was really confirmed in the spectator’s reaction of his only true adherent – the Imperior Himself, who proved His Highest Understanding with His Homeric Laugh during all the premiere performance of *The Inspector*. Nowadays the humor connotations of *The Inspector* are evidently connected with everlasting reanimation of Gogol’s satiric characters: in our Ukrainian reality the resulting goo gained consciousness and became an indistructible gelatinous mass.

Keywords: gelology, laughing, wit, humor, satire, irony, sarcasmus, the “lyubi-druzi-corruption”, state-mentality, Gogol, *The Inspector*.

References

1. Kvitka-Osnov’janenko G. F. (1978) Zibr. tvoriv [Collective works], u 7 t. Kyev, Nauk. Dumka, t. 1.
2. Mann Ju. V. (2005) Postigaja Gogolja [Understanding of Gogol]. Moscow, Aspekt Press.

UDC 13:82.01

Maksim Vak

THE SUSPICION OF THE POSSIBILITY FOR A DIALOGUE OF CONSCIOUSNESSES IN DOSTOEVSKY

The article is devoted to researches of dialogue of consciousnesses in Dostoevsky’s philosophy and literature creativity. The ideas of M. Bakhtin and E. Levinas are methodological basis of the investigation. Bakhtin presents the novelty of Dostoevsky’s writing almost as a paradox of a divine creation – Dostoevsky creates his heroes in such a way that they are free from their creator, and Dostoevsky does not have the last, determined word concerning their destiny. They keep their secrets from him as though he did not create them. This situation, if Bakhtin is right, gives rise to disturbing questions concerning how to read these novels. We have analyzed a lot of the most significant moments in the novels we can say the same concerning all the examples that Bakhtin presents in order to demonstrate the dialogical structure of Dostoevsky’s writings. For our opinion Bakhtin’s analysis of style and structure is fine and perceptive but he does not pay attention to the fact that the main problem is not in the presence of this structure but in the question of the possibility of its presence. Sooner, the dialogical structure is present in Dostoevsky’s writings despite the impossibility of dialogue. One hears the other despite the impossibility to hear the other. One of the central problems is how it is possible to hear the other if one hears only oneself; how it is possible to address the other if there is only my ego, my consciousness that always hears out of itself and assimilates the other. It is not the dialogue, but the impossible possibility of dialogue that creates the climate of Dostoevsky’s novels. To demonstrate this we have followed Bakhtin in his analyses of Dostoevsky’s discourse.

Keewords: dialogue, presence, Dostoevsky, Bakhtin.

At the opening of our reading of Dostoevsky after Levinas we would like to concentrate on something that can be vaguely called the climate of Dostoevsky’s writings. M. Bakhtin, perhaps one of Dostoevsky’s most perceptive readers, in his attention to Dostoevsky’s style caught the feeling of this particular climate. Despite our disagreement with Bakhtin’s general approach – his analysis of the dialogues of consciousness constituting polyphony in Dostoevsky’s novels – and suspicion of his assumption of the possibility of a clear distinction between dialogue and monologue, we would like to address and repeat with different accents many of his insights, entering into a dialogue with Bakhtin about Dostoevsky.

In justifying his attention to Dostoevsky’s poetics, Bakhtin notes a surprising similarity in readings of Dostoevsky’s novels that miss the point.